

Александр Житинский

Лестница

*Часть сборника
Лестница (сборник)*

Александр Житинский

Лестница

«Геликон Плюс»

1972

Житинский А. Н.

Лестница / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1972

«В тот день белая луна стояла в небе, с утра наконец-то ударил морозец, и деревья оделись хрупким инеем. Слава Богу, кажется, наступила зима. Впрочем, начнем с того, что молодой человек вышел из квартиры на лестницу, где было темно. Касаясь пальцами стены, он спустился вниз, на площадку четвертого этажа. Споткнулся о цинковый бак и выругался. Ему не понравился этот бак и запах гнили; вообще лестница ему тоже не понравилась, поскольку была старая, деревянные накладки на перилах делись Бог знает куда, а главное, молодой человек никак не мог приспособиться к длине пролетов. Когда ему казалось, что ступенька последняя, он делал шаг на плоскость, но нога проваливалась, а сердце замирало...»

© Житинский А. Н., 1972

© Геликон Плюс, 1972

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Житинский

Лестница

Глава 1

Этажи

В тот день белая луна стояла в небе, с утра наконец-то ударил морозец, и деревья оделись хрупким инеем. Слава Богу, кажется, наступила зима.

Впрочем, начнем с того, что молодой человек вышел из квартиры на лестницу, где было темно. Касаясь пальцами стены, он спустился вниз, на площадку четвертого этажа. Споткнулся о цинковый бак и выругался. Ему не понравился этот бак и запах гнили; вообще лестница ему тоже не понравилась, поскольку была старая, деревянные накладки на перилах делись Бог знает куда, а главное, молодой человек никак не мог приспособиться к длине пролетов. Когда ему казалось, что ступенька последняя, он делал шаг на плоскость, но нога проваливалась, а сердце замирало.

Он спустился еще ниже. Где-то внизу засветилась электрическая лампочка, но, когда он, перегнувшись через перила, попытался увидеть площадку первого этажа, оказалось, что до нее еще далеко, а лампочка высвечивает лишь несколько ближайших пролетов. На стене мелом был нарисован корабль с тремя мачтами, но без парусов; потянуло откуда-то сквозняком – влажным, с мелкими каплями дождя – как они сюда прилетели?.. Молодой человек опустил руку в карман пальто и нашел там сигареты, причем пачка оказалась нераспечатанной. Спичек, однако, ни в одном из карманов не было, и он сунул сигарету в рот, надеясь прикурить у какого-нибудь встречного.

Молодой человек впервые вышел из незнакомой квартиры и опять-таки впервые спулся по этой темной лестнице.

Как он попал сюда – а он попал сюда не далее как вчера вечером, – мы еще узнаем, а теперь, пока молодой человек спускается, у нас есть время с ним познакомиться.

Звали его Владимир Пирошников. На вид ему было лет двадцать шесть – двадцать семь, не больше. Говорили, что он работает осветителем в каком-то не то театре, не то дворце культуры, но говорили это давно, а за тот срок, что прошел с тех пор, он, вполне возможно, успел переменить несколько мест службы. Об этом можно судить по тому, что до того, как поступить осветителем, он был последовательно студентом, солдатом, вахтером, снова студентом и, наконец, продавцом книг с лотка в подземном переходе у Гостиного двора.

Он был начитан, имел аналитический ум, который позволял ему трезво оценивать свое положение в обществе и не питать на этот счет никаких иллюзий. Он твердо знал, что та незначительная и, по правде сказать, случайная деятельность, которой он занимался, – явление временное и преходящее, что в будущем образуется другая, более устойчивая и плавная жизнь, но как именно она образуется – ясного отчета он себе не отдавал.

Впрочем, довольно скоро он осознал, что вообще все временно и преходяще, и это позволило ему спокойней смотреть на свой порядком изломанный жизненный путь. Иногда он даже приходил к мысли, что не будет никакой особенной беды, если он не достигнет сколько-нибудь заметного положения в обществе и вообще не достигнет того, что при тщательном рассмотрении можно было бы выдать за цель его существования.

В последнее время наш герой все чаще страдал, испытывая вялость, раздражительность и прочие признаки дурного расположения духа, которые посещали его обычно по утрам после какой-нибудь очень уж бестолковой ночи, когда он за считанные часы знакомился с десят-

ком людей, большинство из которых не мог наутро и вспомнить, попадал в чужие дома, вел длинные и, казалось, вполне интеллигентные разговоры, а напоследок, как правило, неумело, а потому и неудачливо приставал к женщинам.

Вот и вчера... Господи, но что же было вчера?..

Пирошников спустился еще ниже и в редком свете, падавшем из высокого окна, расположенного метрах в двух над площадкой, увидел кошку. Рядом с кошкой находилась перевернутая полиэтиленовая крышечка от банки. В крышечку было налито молоко, и кошка собиралась приступить к завтраку. Пирошников вспомнил, что он и сам давно не ел, и у него даже мелькнула мысль – выпить это молоко, поскольку крышечка выглядела очень аккуратной и чистой. Но он не сделал никакого движения к молоку и прошел дальше.

Лестница была пустынна. Доносились, правда, из-за прикрытых дверей запахи дешевой кухни: картофеля, жаренного на постном масле, яичницы; один раз даже аромат кофе уловил нос Пирошникова, но на самой лестнице, исключая баки для мусора и встреченную кошку, ничего больше не было.

Словом, ничто не указывало на последующие странные события. Все выглядело исключительно мирно в этот утренний час – какой именно, Пирошников точно сказать не мог, поскольку часов у него не было.

Он достаточно привык уже к темной лестнице и перестал ее замечать, и она также перестала действовать не него угнетающе. Мысли его приняли другое направление. Он стал восстанавливать в памяти события вчерашнего дня, стараясь добраться возможно далее – к моменту, начиная с которого, как ни вспоминай, ничего больше не вспомнишь.

Что-то торопило Пирошникова поскорее добраться до этого момента, чтобы объяснить себе некоторые частности сегодняшнего утра: где, например, он находится, далеко ли от дома и от работы; почему, несмотря на полную неизвестность относительно своего местопребывания, мысли его все время тянутся к чему-то приятному и согревающему душу. Он даже предпочел бы сразу вспомнить это приятное, но чувствовал, что так ничего, пожалуй, не выйдет, – надо по порядку.

Итак, сначала было общежитие его приятелей-студентов – небольшая комната с четырьмя кроватями, столом и шкафом, который стоял прямо перед дверью, так что в комнату приходилось протискиваться боком; очевидно, это была мера предосторожности от неожиданных посещений, а впрочем, стоять шкафу более было негде, потому как у стен располагались кровати. Пирошникову доводилось бывать здесь не раз, приходилось изредка и ночевать на голом матрасе, положенном на пол, накрываясь при этом сверху другим таким же, из которого, бывало, сыпалась труха, так что утром плечи и грудь оказывались припорошенными ею.

Вчерашний вечер начался как обычно и посвящен был празднованию стипендии, полученной тремя из четырех приятелей. Собственно, сам вечер не выделялся из других подобных вечеров, поэтому Пирошников перескочил сразу к его окончанию – окончанию именно на этом месте, в общежитии, – ибо компания часов в десять вечера, когда все решительно магазины в городе уже закрылись, перешла в ближайшую шашлычную. Там дело приняло уже серьезный оборот, и вот с того момента память Пирошникова начала как бы заикаться, четко и по несколько раз восстанавливая одни эпизоды и, напротив, совсем пропуская другие.

Тут мы вынуждены прервать повествование о вчерашнем вечере, чтобы снова вернуться на эту подозрительно длинную и темную лестницу и отметить первую на ней странность. Пройдя несколько лестничных маршей, Пирошников опять увидел кошку, точь-в-точь похожую на первую, мало того – перед этой новой кошкой стояла точь-в-точь та же крышечка, правда на этот раз без молока, что было ясно видно в таком же рассеянном и сером свете, падавшем из подобного же окна. Забавное совпадение!

Если бы мысли Пирошникова не подошли сейчас к тому главному во всей вчерашней истории, которое окрасило сегодняшнее утро в столь приятный цвет, он, скорее всего, обратил

бы внимание на этот факт и на то, что кошка была не просто похожа на ту, встреченную ранее, – нет! – она была похожа как две капли воды, страшно сказать – это была та же самая кошка!

Но молодой человек отметил кошку как бы про себя, потому что мыслями он был далеко – на деревянном мосту, ведущем к Петропавловке, куда он попал уже в полночь, и он был там не один.

Появлению Пирошникова на мосту предшествовало маленькое приключение, которое необходимо изложить, ибо в нем как нельзя лучше отразилось нынешнее разболтанное и, прямо скажем, безответственное состояние души нашего героя. Детали приключения сохранились в памяти Пирошникова весьма выпукло – именно потому, что пережиты были острые ощущения.

Компания, о которой уже упоминалось, нашедшая себе приют в дешевой шашлычной неподалеку от общежития, под занавес решила на «соскок», как именуется на городском молодежном жаргоне внезапный уход из ресторана, кафе, шашлычной или иного заведения, обслуживаемого официантами, без оплаты выпитого и съеденного за вечер. Дело это не очень простое, в особенности зимою, когда за любителями бесплатных угощений присматривают не только официанты, но и гардеробщики, – ведь надо не спеша выйти из зала, сдать номерок, а затем чинно и благородно одеться, испытывая не совсем приятное ощущение, будто тебе вот-вот выстрелят в спину. Однако, по всей видимости, в этом ощущении и состоит своеобразная прелесть подобных побегов для хмельных компаний.

И добро бы имелась крайняя нужда! Не было бы денег, чтобы расплатиться, или бы выказывался этим не совсем законный протест против дурного обслуживания – так нет же! У приятелей Пирошникова деньги были, а прикрепленная к столику официантка отличалась разве что стойким равнодушием к посетителям, что вовсе не редкость. Она надолго и часто исчезала за потертыми плюшевыми портьерами, прикрывающими вход в кухню, а когда появлялась, неся у огромной груди поднос с шашлыками и графинчиками, то даже не удостоивала компанию взглядом.

Может быть, именно это обстоятельство, а скорее, желание покуражиться и выкинуть нечто из ряда вон выходящее навело молодых людей на подозрительную идею. Цветущий вид официантки делал неуместной жалость к ней; компания быстро и весело договорилась, что тридцать-сорок рублей, на которые официантка будет «наказана», для нее – сущая мелочь.

Подогреваемые этой мыслью, четыре человека из пяти, в том числе и Пирошников, снялись со своих мест, дождавшись момента, когда официантка в очередной раз уплыла за плюшевые портьеры. В гардеробе они предъявили пять номерков, стараясь шутками и перемещениями запутать старика гардеробщика. Таким образом куртка оставшегося за столиком заложника тоже была прихвачена, и Пирошников, спрятав ее под полою своего пальто, первым выскользнул из шашлычной.

Сердце гулко стучало, вспотела ладонь, прижимавшая куртку приятеля к животу... – мысль у Пирошникова была одна: уйти как можно быстрее и дальше.

Беглецы расположились в заснеженном сквере напротив, из которого была видна дверь шашлычной. Все притихли, сидя на спинках холодных скамеек и покуривая. Через три минуты дверь распахнулась, и из шашлычной выбежал заложник в расстегнутом пиджаке. Галстук выбился на сторону и развевался на ветру при беге. Через несколько секунд он был уже с приятелями и, дрожа от возбуждения, натягивал куртку.

Тут же из шашлычной выскочила официантка в белом переднике и с кокошником, засвистела в милицейский свисток. Следом вылетел молодой официант при бабочке, повертелся у дверей, вглядываясь в ночную улицу, но никого не обнаружил... Приятели же Пирошникова, да и он сам, уже не видели этого официанта, потому что при первых трелях свистка бросились врассыпную. Пирошников, пробежав квартал, остановился и увидел, что он один.

И сразу же пережитое волнение, заставившее Пирошникова на несколько минут собраться внутренне и протрезветь, внезапно обратилось в расслабленность. Молодому человеку до крайности мерзко сделалось на душе – не то чтобы от раскаяния, но от полной бессмысленности поступка, за которой увиделась вдруг и бессмысленность всего вечера, разговоров, желаний... – больше того: бессмысленность последних лет его жизни, осознаваемая им пока еще неясно, но неотвратимо.

Пирошников побрел по незнакомой улице, уже почти не помня себя, опустив голову... побрел почему-то по направлению к шпилью Петропавловского собора, мерцавшему вдалеке между домов. Опынение снова одолевало его.

Последняя яркая картина, увиденная им как бы со стороны, была такова: он стоит на мосту в распахнутом пальто, шарф длинным концом свисает из кармана; кажется, он без шапки (однако куда делась шапка?) и смотрит в темную воду, где отражается луна. А рядом с ним в двух шагах, перегнувшись через те же перила, смотрит на отраженную луну женщина в белой шапочке... Снова обидный провал! Пирошников помнил эту шапочку, пожалуй, лучше всего – такая она была мягкая и пушистая; хотелось даже потрогать ее руками, погладить... – но лица женщины он не помнил напрочь. Только длинные волосы из-под шапочки, спадавшие на неопределенного цвета шубку.

Однако сейчас важно было вспомнить, что она говорила, и что говорил он, и как вообще завязалась эта беседа – а он точно помнил, что беседа была, – хотя вид Пирошникова да и время были не самыми подходящими для нее.

Ах этот вид!.. Всякий раз, знакомясь с женщинами, Пирошников стыдился потертости и, если хотите, затрапезности своего костюма, к которым добавлялись неряшливость и, что хуже всего, – следы давнего блеска.

Например, его ботинки, хотя и были выпуска какой-то иностранной фирмы, имели весьма поношенный и грязный вид, чему, конечно, способствовала слякотная погода, а самое неприятное было то, что Пирошников явственно ощущал дырку в носке на месте большого пальца, – дырку, которую никто видеть не мог, но которая постоянно портила ему настроение и, казалось, заявляла о себе на весь свет. Пальто Пирошникова тоже, будучи модного покроя и не без шика, потерлось на плечах и у карманов, а пуговичные петли разболтались и разлезлись до ужаса, так что любое неосторожное движение легко могло распахнуть полы, и тогда взору являлась подкладка, прорванная в нескольких местах, в особенности снизу, где одна дыра выходила прямоком в карман, делая последний решительно непригодным к употреблению.

Все эти мелочи не так уж бросались в глаза, но Пирошникову казались непростительными и, несомненно, не допускающими не только бесед с женщинами, да еще в ночной час, но и самой мысли о подобных беседах.

Тем не менее беседа все-таки возникла, хотя предмета ее молодой человек в памяти не обнаруживал. Зато наконец обнаружилась в памяти шапка и история ее исчезновения. Она проливали какой-то свет на беседу. Может быть, именно с шапки все и началось. Во всяком случае, Пирошников вдруг вспомнил, что поначалу он был в шапке, но потом, желая привлечь к себе внимание (об этом он подумал не без смущения), он снял ее с головы и опустил за перила. Шапка поплыла по воде и скрылась в темноте, а Владимир сказал, обращаясь вроде бы к самому себе, что так, мол, гадают в ночь на Ивана Купалу (он когда-то видел в кино, как девушки пускают венки по течению, но теперь все перепутал, что совершенно простительно).

На что он рассчитывал? Теперь-то, спускаясь по лестнице, он понимал, что последующее поведение женщины, в сущности, совершенно необъяснимо. Она не испугалась, не побежала прочь, а, повернувшись к Пирошникову, сказала что-то такое, чего он опять-таки не мог припомнить. Кажется, она сказала так:

– Вы смешной, но только не надо смешить нарочно, а то получается глупо, ведь правда?

Вот эту вопросительную интонацию в конце только и помнил достоверно Пирошников, вся же остальная фраза, по всей вероятности, была придумана им сейчас самостоятельно.

Так или иначе, начало нити нашлось, и Пирошников осторожно, чтобы не оборвать, принялся вытягивать ее из памяти. Своими словами женщина, как ему хотелось верить, приглашала его продолжить разговор, причем в ее словах Пирошникову почудилась доброжелательность. Он было подумал, что она... словом, он нехорошо подумал, но быстро отогнал эти мысли, тем более что дальнейший ход беседы их никаким образом не подтверждал.

Он вдруг проникся к ней доверием, какое испытываешь подчас к совершенно постороннему человеку, если согласишься, что тому есть до тебя дело. Пирошников ответил ей длинно и не совсем связно, но его слова шли от сердца, встречая сочувствие (он это заметил), хотя вызвать его он не хотел.

– Постойте здесь и выслушайте меня! – говорил Пирошников. – Я вовсе не хочу ничего дурного, поэтому останьтесь и не обращайтесь внимания, что я пьян. Понимаете, я часто думаю, что вот пройдут еще пять лет, десять лет – я не знаю сколько – и все! Ничего больше не нужно будет – ни любви, ни славы, ни цели никакой, потому что человек, я думаю, умирает рано, задолго до своей смерти... Я сегодня почувствовал что-то странное – с вами случилось? – вдруг почудилось, что все уже было, и не один раз. И лица те же, и разговоры, и мысли... Очень страшно сделалось, и я ушел. Я вам это говорю не для того, чтобы заинтересовать. Я... а что это я все про себя? Про меня вы и сами все поймете, если уже не поняли...

Произнеся такую речь, Пирошников повернулся и зашагал вниз с моста. Он удивился и обрадовался, когда услышал, что женщина идет за ним. Тут снова дурные мысли полезли в голову, и уже представилась такая небывалая по легкости победа; представилась не без сожаления – опять ошибся, опять не ту встретил... Одним словом, все зря, пусть хоть так кончится!

Но женщина, догнав его, сказала несколько слов, которых оказалось достаточно, чтобы Пирошникову стало стыдно своих мыслей. Она сказала так:

– Если нужно ладить с соседями, которых и видишь-то не каждый день, то, наверное, прежде нужно ладить с собой. Ведь вы с собою всю жизнь – и всю жизнь мучаетесь! Так нельзя! Не относитесь к себе плохо, тогда и другие...

Короче говоря, что-то в этом роде она сказала Пирошникову, и дело было совсем не в словах, а в голосе, в тех необыкновенно успокаивающих и доверчивых интонациях, каких давно уже не слышал наш герой.

Все! все! все!.. Больше ничего он не вспомнил, сколько ни пытался. Смутно, скорее осязанием, помнил ее руку – тонкие пальцы с ноготками, хрупкое запястье, – но где и когда он коснулся этой руки? Дальше было утро, раскладушка, серая комната – не поймешь какая, в комнате никого нет, коридор на ощупь, замок такой, что черт не разберет, и лестница... Однако что это за лестница?

И только Пирошников подумал это, как перед его глазами возник корабль с тремя мачтами, но без парусов, нарисованный мелом на стене.

Он мог бы дать честное слово, что видел где-то совсем недавно точно такой же корабль, и первым делом подумал, что опять начинаются неприятные повторения в памяти, но на этот раз впечатление от нарисованного корабля было настолько свежо, а сам корабль с острым носом и наклоненными почему-то вперед мачтами был настолько оригинален, что потребовалось лишь легкое усилие, чтобы вспомнить его, и тогда Пирошников похолодел. И сразу же, обгоняя друг друга и торопясь, застучали в уме вопросы и, не находя ответов, тут же наскоро перерастали в подозрения: где он? почему так долго спускается? кто это все подстроил? не болел ли он? почему нет парусов? что делать? Тут вспомнилась и кошка – та, вторая, и крышечка без молока: почудилось, что тишина на лестнице как-то по-особенному зловеща, а в ней глухо отдаются и шаркают его шаги. Молодой человек пустился бежать вниз, выбрасывая ноги мягко, чтобы не

оступить в темноте, но, пробежав еще этажа три, вдруг остановился, наткнувшись снова – конечно же, конечно! – на кошку.

Нечего и говорить, что кошка ничем не отличалась от первых двух, и так же сидела, и крышечка... – черт-те что!

Итак, кошек было теперь ровным счетом три, но Пирошников (надо отдать ему должное) в одно мгновение понял, словно уже был подготовлен к этой мысли, что кошка-то на самом деле одна, и, чтобы проверить это предположение, он схватил мирно дремавшую кошку в охапку и бросился бежать вверх. Он захотел удостовериться в том, что кошка не обладает способностью раздваиваться, а лишь существует в различные моменты времени на одной и той же лестнице. Короче говоря, молодой человек догадался, что кошка самая обыкновенная, а винить во всем следует именно лестницу. И точно! Пробежав некоторое расстояние вверх, Пирошников снова увидел крышечку из-под молока, вроде бы оставленную им только что ниже, но кошки рядом не было. Поставив кошку рядом с крышечкой, Пирошников, уже не очень торопясь, как ни странно почти довольный разгадкой, спустился вниз, чтобы опять на старом месте повстречаться с кошкой.

«Все в порядке!» – подумал он, хотя до порядка было еще довольно далеко и предстояло решить главный вопрос: как выбраться из этого замкнутого круга?

Пирошников присел на ступеньку, чтобы все обдумать, и только теперь начал понимать, насколько серьезны его дела. То есть он не допустил и мысли, что на самом деле существует какая-то такая особенная лестница без начала и конца, – он подумал гораздо проще, а именно: продолжают вчерашние штучки – видимо, что-то случилось с головой; вообще нужно кончать с этим делом, не пить и не гулять неизвестно где по ночам. Но такие трезвые суждения не продвинули его в разрешении вопроса. Захотелось курить. Он помял сигарету в руках и оглянулся по сторонам, словно надеялся найти кого-то. Почти в ту же минуту Пирошников услышал внизу шаги. Заглянув в пролет, он увидел сначала руку на перилах, которая совершала размеренные скачки вверх, а потом и человека в серой шапке и кожаном пальто, поднимавшегося к нему. Пирошников встал, успев подумать, как нелепо и подозрительно выглядит он в этот утренний час на лестнице – именно потому, что никуда не идет. Однако человек не обратил на него ни малейшего внимания и продолжал свой уверенный подъем. Когда он прошел мимо и находился уже выше Пирошникова, тот остановил его вопросом:

– У вас не найдется спичек?

– У меня есть зажигалка. Вас устроит? – сказал человек, остановившись.

– Который час? – спросил Пирошников, подойдя к нему и наклоняясь с сигаретой к зажигалке.

– Семь часов двадцать восемь минут, – проговорил мужчина голосом диктора радио, причем на часы не взглянул. Говорить более было не о чем – в самом деле, не спрашивать же его, где выход? Выход, ясное дело, должен быть внизу. Мужчина удалился, твердо ступая по лестнице, потом где-то наверху и внизу одновременно хлопнула дверь, и Пирошников понял, что шанс потерян.

Утренняя его нега прошла, он и думать забыл о вчерашней незнакомке, которая вовлекла его в эту карусель, но, с другой стороны, не было и страха или возбуждения – все сменилось равнодушием и ленью. Побродив немного вверх и вниз, он от нечего делать поиграл странными свойствами лестницы. Например, он стер у нарисованного корабля одну из мачт, а после отправился посмотреть вниз, что получилось. Результат был, как говорят, налицо: мачты не оказалось и внизу. Тогда он пальцем, испачканным в мелу, дорисовал мачту и пошел наверх, где, естественно, нарисованное им было уже тут как тут.

Он решил идти только вниз (так было легче) и шел около получаса, пройдя, должно быть, этажей сорок или того больше и встретив по пути еще несколько кошек и нарисованных кораблей. Правильной периодичности Пирошникову установить не удалось; бывало так, что

новая кошка появлялась буквально через этаж, а после надолго пропадала. Но все эти шутки мало уже интересовали нашего героя. Наконец он остановился. С усмешкой взглянув на окурочек своей сигареты, брошенный им где-то выше, а теперь догоравший на ступеньке внизу, Пирошников свернул с площадки в темный коридор, где находились двери квартир. Приблизившись к одной из них, он провел ладонью по тому месту, где обычно находятся звонки, и в самом деле обнаружил под рукою не одну, а целых три кнопки различной формы. Он позвонил в крайнюю. Звонок глухо раздался в квартире, но никто не вышел. Когда же Пирошников попытался ощупать дверь пальцами, чтобы определить, есть ли на ней ручка и какие замки, дверь, поддавшись ему, легко и без звука отворилась, и перед Пирошниковым предстал довольно длинный коридор с высоким потолком, в середине которого на голом проводе слабо желтела электрическая лампочка.

Пирошников вошел, приготовляясь внутренне к новым штукам, которые могли появиться каждую минуту.

Глава 2

Наденька

Чего только не происходит в нашем городе! Кажется, давно уже все утряслось, оделось нарядным камнем, сменило цвет на более жизнерадостный; проспекты стали еще прямее и шире, и при дневном свете город производит юное и прекрасное впечатление, будто никогда не раздавался здесь, на набережной, топот тяжелых копыт Медного всадника, а там, в глубине дворов, словно не прятал бледный юноша тех страшных, омытых кровью драгоценностей. Все ярко и сильно в невской панораме, спокойно и величаво.

Но выйдите из дому декабрьским вечером, когда нет еще настоящей зимы, когда несется и слепит глаза мутный снег; пойдите вдоль Фонтанки, черная вода которой выделяет пар и кажется потону горячей; пройдите под окнами серого здания, что смотрит на Михайловский замок с подозрительностью и угрюмством; взгляните, наконец, на сам этот замок – и как знать, не мелькнет ли тогда на том берегу наклоненная против ветра фигурка человека в длинном плаще и не задрожит ли каменный мост, вспоминая могучий топот? Все неверно в той же панораме, да и нет ее самой – она скрыта за снегом.

...Пирошников, покинув проклятую лестницу, передвигался по чужой квартире. Коридор был как коридор, довольно чистый: стоял комод, накрытый кружевной салфеткой, на вешалке висела одежда. В конце коридора был поворот направо, видимо в кухню, а слева, на некотором расстоянии друг от друга, находились три крашенные двери, лишённые особых примет, все три с английскими замками.

Пирошников подошел к средней и, не успев даже как следует обдумать дальнейшее, толкнул ее. Дверь распахнулась, что отнюдь не удивило нашего героя, приученного уже предшествовавшими событиями ко всему странному.

Теперь перед ним открылась комната, довольно просторная и с высоким потолком, но длинная, как вагон, в конце которой находилось узкое окно с полотняной занавеской. В комнате бросились в глаза шкаф красного дерева, кое-где обитый и поцарапанный, такого же дерева бюро с ящичками, стол, а у другой стены диван со смятой постелью. На диване, поджав под себя ноги, сидела молодая женщина во фланелевом халатике и причесывалась, глядя в стоящее перед нею на стуле зеркальное стекло без рамы.

Женщина эта не повернула головы к гостю, вообще никак не показала, что замечает его, может быть потому, что была увлечена своими волосами, кстати, имевшими красноватый оттенок и не очень длинными.

– Простите, – начал Пирошников, но женщина, опять-таки не поворачивая головы, не дала ему задать вопрос, а сказала совершенно спокойно, будто ждала его уже давно:

– Раздевайтесь и садитесь. Сейчас будем пить чай.

– Но я вовсе не за этим пришел, я хочу только...

– Это вам кажется, что не за этим. Именно за этим. Садитесь, говорю я вам! И не будем с самого начала осложнять отношений.

Она говорила так, словно знала наперед, что случится, и уже разработала некий план; впрочем, в голосе ее тоже чудилась доброжелательность, и Пирошникову на миг показалось, что он ее где-то видел, что, возможно, это и есть вчерашняя незнакомка. Поэтому он, решив окончательно отдалиться случаю, снял свое пальто и повесил его у двери на гвоздь.

– Под шкафом тапки, – сказала женщина, внося последние штрихи в прическу.

Пирошников послушно развязал шнурки и надел эти самые тапки, которые в самом деле находились под шкафом и были ему по ноге, правда, разношенные.

Наконец женщина повернула голову к Пирошникову, и он разглядел ее лицо – несколько скуластое, с маленьким носом и не улыбочивыми серыми глазами. Чувствовалось, что в ней есть, как говорят, характер и самостоятельность, что такая не будет говорить зря и что ее трудно, должно быть, заставить плакать. Она смотрела на Пирошникова несколько секунд, но без особого любопытства, а с какой-то усталостью, что ли, с каким-то таким выражением: ну вот ты и пришел, что же будем делать?

– Давай познакомимся хоть, – сказала она и протянула руку. – Надя... хотя, – тут она усмехнулась почему-то невесело, – меня все называют Наденька, и ты тоже будешь так звать.

– Владимир, – сказал Пирошников, подойдя к ней и взяв ее руку в свою. Рука была маленькая, но сильная, и пальцы без острых ногтей, по чему Пирошников определил, что новая его знакомая, во всяком случае, не та, с которой он беседовал накануне.

– Ну вот и прекрасно, Владимир, – улыбнувшись в первый раз и довольно хитро, ответствовала Наденька.

Она освободила руку, встала и, не говоря больше ничего, убрала постель в шкаф, после чего удалилась, предоставив Пирошникову некоторое время для знакомства с комнатой.

Первым делом наш герой, что совершенно естественно, подошел к окну и, посмотрев в него, убедился, хотя было еще темно, что комната расположена примерно на четвертом или пятом этаже над какой-то улицей, вроде бы и знакомой, но не совсем. Отвернувшись от окна, он принялся разглядывать стену над диваном, где висели в беспорядке фотографии незнакомых лиц, большей частью детских, а сбоку находилось несколько книжных секций с поставленными вперемежку книгами по медицине, стихами, собранием сочинений Достоевского в старом издании и наборами художественных открыток. Из этого осмотра Пирошников заключил, что Наденька, должно быть, медик, но этим его открытия и закончились.

Тут как раз вернулась Наденька с чайником и принялась накрывать на стол, доставая из ящичков бюро ложки, чашки, сахарницу, сыр в бумажной обертке и хлеб.

– Послушайте, – сказал Пирошников, садясь за столом чуть развязнее, чем требовалось обстоятельствами. – Мне кажется, будто мы с вами виделись...

Наденька посмотрела на него внимательно и усмехнулась.

– А мне здесь, пожалуй, нравится. Я правильно сделал, что пришел, – продолжал Владимир.

– А куда бы ты делся? Тебе же деться больше некуда, – опять-таки очень спокойно заявила Наденька (при этом она изготавляла бутерброд).

– Вот как? – начал Пирошников ломать комедию. – В таком случае я остаюсь здесь. Я устраиваю в этом доме резиденцию на неопределенный срок... («Шути, шути», – пробормотала Наденька.) Новая веха в жизни Владимира Пирошникова, экс-интеллигента, экс-осветителя, а ныне работающего на дому...

Пирошникова несло явно не в ту сторону. Он и сам понимал, что принятый им тон совсем не тот, то есть и близко не стоит к нужному тону, но после всех приключений на лестнице найти нужных слов попросту не мог, а молчать не догадывался. Поэтому, внутренне стыдясь, он плел эту ахинею и надеялся лишь на то, что все вдруг кончится и развеется как дым.

– В результате кошмарной истории с чертовщиной и кошками... – продолжал он.

– Кошку зовут Маугли, – сказала Наденька. – Это моя кошка. Мужу она не понравилась, и он ее выгнал на лестницу.

– Мужу? – Пирошников присвистнул.

– Да, мужу. Что ты на меня смотришь? Есть такое слово «муж».

И в точности на слове «муж» раздался где-то за дверями звонок, потом другой, и Пирошникову стало несколько не по себе – настолько, что и передать нельзя.

Да, влип он в историю, сам виноват! Переждал бы, перетерпел явление в лестницей – глядишь, все бы кончилось хорошо. А теперь объясняйся, кто такой и откуда, а главное, зачем он здесь в восемь часов утра пьет чай.

Наденька между тем, не показав никакого смущения или раздумья, снова удалилась и вернулась через минуту, слава Богу, без никакого мужа, а с телеграммой в руках.

– Собирается веселенькая компания, – сказала она себе под нос, кладя телеграмму на бюро.

После этого она продолжала пить чай, а Пирошников как воды в рот набрал, мечтая поскорее улизнуть. Наденьку молчание Пирошникова никак не задевало. Она явно готовилась уйти из дома, для чего, отойдя к шкафу и спрятавшись за распахнутой дверкой, Наденька скинула халатик, надела вынутое из шкафа синее простенькое платье, поверх него докторский белый халат, сунула в сумочку белую же шапочку и принялась натягивать пальто, обращая на Пирошникова внимания не больше, чем на обои.

Застегнув последнюю пуговицу, Наденька сказала:

– Если будут звонить два раза, открывай, это к нам. Я к обеду приду.

– Ну, извините! – Пирошников сорвался с места. – Как-нибудь в другой раз, если вы позволите, мы встретимся и побеседуем. А сейчас, извините, я тоже пойду... Черт побери! – вдруг в тоске вскричал он. – Да кончится эта ерунда или нет?

Наденька с сожалением посмотрела на него.

– Ты отдохни. Сегодня тебе отсюда не выбраться. Я-то уж знаю, – многозначительно проговорила она. – Будем стараться что-то сделать.

Она подхватила сумочку и вышла из комнаты, а Пирошников, сорвав пальто с гвоздя, как был в тапках, бросился за нею. Но напрасно! Наденьки и след простыл, в коридоре ее не было, не было и на лестнице, куда Владимир выскочил, и, повертевшись на лестничной площадке, такой знакомой уже и навевающей неприятные воспоминания, он вернулся в комнату, сел на диван, обхватил голову руками и задумался.

Незаметно для самого себя Пирошников сначала расположился на диване поудобнее, потом поджал ноги, тапки слетели на пол, голова склонилась на мягкий плюшевый и достаточно потертый валик, пахнувший почему-то карамелью или вареньем; Пирошников глубоко вздохнул, спрятал руки в рукава пиджака да так и заснул на диване младенческим дивным сном.

Мы не будем ему мешать, а лучше последуем за Наденькой, ибо для дальнейшего понимания событий нам требуется в настоящий момент услышать два телефонных разговора.

Оба они состоялись сразу после того, как Наденька вышла на улицу из подъезда, порылась в сумочке и забежала в ближайший телефон-автомат. В первом разговоре ею было сказано довольно кратко и сухо, чтобы некто пришел как можно скорее и сделал то, что обещал сделать. Именно так она и сказала, и, если разговор кажется не слишком вразумительным, оставим его на ее совести.

Второй разговор был более понятен. Удалось установить, что Наденька звонила брату и просила его встретить на вокзале дядю, который приезжает в десять утра. Наденька просила также доставить этого дядю к ней домой.

После этого Наденька покинула телефонную будку и затерялась в толпе. Наблюдать за нею не было никакой возможности, потому что толком еще и не рассвело.

Глава 3

Сон Пирошникова

Пока Наденька, положив в сумку белую шапочку, путешествует из квартиры в квартиру, совершая утренний обход больных детей; пока летит в курьерском поезде вышеназванный дядя, давший утреннюю телеграмму; пока, наконец, происходят все другие события жизни, имеющие и не имеющие отношения к нашему герою, мы осторожно возвратимся в комнату Наденьки, чтобы застать его по-прежнему безмятежно спящим.

За время нашего отсутствия поза Пирошникова на диване несколько переменялась. Он перевернулся на спину, одну руку положил на грудь, другая свесилась с дивана, причем ее кисть легко плавала в воздухе, будто только что взяла тихий фортепьянный аккорд. Судя по всему, Пирошникову снился приятный сон...

Ах, какая это прелесть – утренний сон! Какая нега охватывает тело, когда после умывания и легкого завтрака вдруг появится возможность прилечь на диван и впасть в забытие удивительно тонкого и нежного сна, который незаметно граничит с явью, так что слышишь все звуки и голоса вокруг.

И главное еще не это! Утренний сон очищает от дурных мыслей, он дает надежду; кажется, сейчас проснешься другим, неизмеримо лучше и чище того, чем был; кажется, станет возможным начать все сначала, полюбить со всей страстью, да еще Бог знает что пригрезится! И все это дает легкий сон, часто кратковременный, не более получаса между девятью и десятью часами утра.

Именно таким сном забылся наш герой, оставив нам возможность поразмыслить над случившимся с ним несчастьем. Впрочем, как знать, очень может быть, что слово «несчастье» тут не совсем уместно, – ведь утверждают: «все, что ни делается, – все к лучшему»; однако следует признать, что положение, в которое попал молодой человек, выглядит тревожным.

В самом деле, один в незнакомом доме, без копейки денег (об это еще не упоминалось, но это так), окруженный странными и головоломными обстоятельствами, – тут есть от чего прийти в отчаянье и задуматься. По крайней мере, следует поразмыслить над тем, почему это случилось именно с Пирошниковым. И если у молодого человека не было еще времени или желания порассуждать на предложенную тему, то мы, пользуясь тем, что он спит, вполне можем позволить себе поискать причины его нынешнего состояния.

Подобные происшествия не случаются просто так и с кем попало – опыт наш тому порукой, следовательно, должно быть нечто, выделяющее Пирошникова из общего круга и способствующее знаменательному факту, каким, без сомнения, является выходка лестницы. Попробуем порыться в биографии героя, чтобы там, может быть, доискаться до его исключительности.

Начнем с детства. Именно там лежат истоки характера, там закладывается фундамент, на котором строится жизненное здание – и если оно в какой-то момент дало трещину (не так ли обстоит дело у Пирошникова?), следует искать причину не в верхнем кирпиче, но в основании.

Впрочем, здание с трещиной и даже со многими трещинами – явление поправимое; бывает хуже, когда человек строит свою жизнь без сучка и задоринки, этаж за этажом по отвесу, не допуская никаких искривлений и архитектурных излишеств. Такой дом выглядит солидно и неприступно по сравнению с вашим, слеplенным кое-как из подручного материала. Но вот наступает час, когда строитель выводит здание под крышу, громоздит трубу да еще вывеску какую-нибудь приколачивает... Но тут выясняется, что дом-то под жилье не приспособлен, пусть он внутри – одни стены наружные, на которые и пошла вся энергия и выдумка строителя.

Но и в этом случае все начинается с фундамента; значит, был заложен фундамент для фасада, а на прочее махнули рукой – снаружи, мол, не видать!

А бывает и так: затуркают человека в детстве, затолкают – того нельзя, об этом и думать не смей, не по Сеньке шапка; заложит он, доверчивый, маленький свой фундаментик и начнет ковыряться потихоньку. А потом, глядишь, стало ему мало места, силу набрал, ему бы размахнуться этажей на двадцать, но боится. Всего боится, а себя в первую голову. Ладно уж, доживу в хибарке!

Если же вернуться к Пирошникову, то у него, надо сказать, здание заложено было с размахом, но продвигалось как-то рывками и очень медленно. Будто он все время чего-то ждал: то образования, то повзросления, то компании, то случая, а то просто когда ему пожелается.

Отец Пирошникова был моряком, прошел молодым человеком войну, после женился на дочери ученого-ботаника, умершего в блокаду. Мать Пирошникова тоже перенесла блокаду, будучи совсем молоденькой девушкой; это наложило отпечаток на ее характер и здоровье – она была худа, тиха и грустна; отец Владимира часто называл ее «дистрофиком» – когда с нежностью, а когда и с раздражением: нрав у него был крутой.

Владимир родился лишь на восьмом году замужества. Рождение его еще более подорвало силы матери; она стала потихоньку чахнуть, увядать без жалоб и упреков – будто медленно и обреченно исчезала из жизни... во всяком случае, потом, после ее смерти, так стало казаться Пирошникову. Тогда он об этом не думал.

Родители любили сына каждый по-своему: мать нежно, но несколько скрытно, не позволяя себе бурных проявлений любви (она вообще не допускала открытых проявлений чувств); отец же, напротив, часто переходил от восхвалений к раздражению и даже ярости, когда что-то было не по нему. Отец был сильной, но грубой, в сущности, натурой, от которой страдала мать, и Владимир всегда внутренне принимал ее сторону, когда они ссорились или когда отец, придя из плавания, вдруг ни с того ни с сего обрушивал на нее свои подозрения, которых наш маленький тогда герой не понимал.

Отец часто говорил с сыном о его будущем, причем рисовал картины феерические. Его мало смущало то обстоятельство, что мальчик не мог оценить этих фантазий в полном их блеске; он видел сына то знаменитым ученым с мировым именем, то не менее значительным писателем, а то даже актером (последнее, правда, реже), но во всех этих проектах главной была внешняя сторона – успех, слава, власть, деньги, красивая и наполненная впечатлениями жизнь, которая, казалось, придет сама собою... нет, даже свалится к ногам, стоит только Владимиру окончить то, что положено: школу, институт, аспирантуру и тому подобное. Справедливости ради нужно сказать, что о роли труда тоже говорилось, но тут же добавлялось: «А тебе, с твоими способностями...» – так что получалось все-таки, что главное – это и есть способности, ставящие человека над другими и служащие орудием успеха.

И действительно, Владимир рано обнаружил способности, ясный ум и легкую, неприужденную манеру овладевать знаниями, а также располагать к себе сверстников и людей постарше. Сам Пирошников запомнил такой, с виду совсем незначительный эпизод. Еще в первом классе он как-то услышал разговор двух учителей о себе. Его поразило, что о нем говорят взрослые, причем в их разговоре он уловил странные нотки. Позже он понял, что учителя говорили о нем с оттенком зависти (да, зависти к семилетнему мальчику, смешно сказать!). «Он далеко пойдет, этот мальчик», – сказала молодая учительница, а ее собеседник, старый седой учитель, заметил со вздохом: «Да... Хотя я в этом не убежден. Разве если сумеет...» – а что именно он должен суметь, Пирошников не расслышал.

Мать относилась к способностям сына спокойно, может быть, поэтому он не стал с детства маленьким карьеристом и негодяем, однако сознание собственной исключительности все же таилось в душе Пирошникова. Мальчик с самого нежного возраста чувствовал нравственное превосходство матери над отцом, что осозналось, конечно, значительно позже.

Упомянем еще об одном случае, происшедшем в последний год жизни матери. Учительница Пирошникова обратилась однажды с просьбой к отцу Владимира об оказании какого-то там содействия ее мужу, тоже моряку, но рангом пониже. Отец отказал. Пирошников помнил разговор матери с отцом, когда она в слезах просила мужа согласиться и говорила, кажется, что-то о справедливости; помнил и день, когда он отнес в школу записку отца, где сообщалось об отказе. Тогда, прочитав записку, учительница не сдержалась и зарыдала. Владимир, смутившись, не знал, как ему себя вести, а учительница, промокая платком слезы, вдруг почти с ненавистью выпалила ему: «Когда-нибудь ты поймешь, что вокруг живые люди! Нельзя так – по головам, по головам!..» Впрочем, о существе дела Пирошников не знал. Возможно, оно не заслуживало столь бурных излияний.

Смерть матери, наступившая, когда Пирошникову было всего двенадцать лет, произвела глубокий сдвиг в его характере. Он сделался нервен, порывист в движениях и легко изменчив в настроении. Душевная тонкость и доброта, оставшиеся ему в наследство от матери, будто спрятались, затаились глубоко в его душе, боясь теперь показаться на свет. Мальчик осиротел почти в полном смысле этого слова, поскольку отец, хотя по-прежнему не чаял души в сыне и возлагал на него радужные надежды, все же слишком часто бывал в плаваниях, а для воспитания Пирошникова была выписана из Таганрога тетка, сестра отца, которая и жила с ними до окончания Владимиром средней школы. Существо забитое, одинокое и не без странностей, она не оставила следа в жизни нашего героя; он в те годы все более замыкался в себе, все реже открывался отцу, который с горечью и разочарованием замечал перемены в характере и перемены в учении, последовавшие вскоре. Предсказанной в детстве медали за отличное окончание школы он не получил, чем весьма расстроил отца, но все же поступил в институт на отделение радиофизики. Друзей Пирошников не завел, хотя приятели имелись и признавали за ним первенство по всем вопросам.

Тут надо заметить, что обстоятельства его жизни к моменту поступления в институт изменились: тетка уехала обратно в Таганрог, а отец женился во второй раз и попросил перевода в другое пароходство, поскольку не хотел, чтобы взрослый сын и молодая жена жили рядом. К тому времени отец и сын совсем разошлись, их разговоры все чаще переходили в ссоры, причем логика, надо признать, была на стороне отца, а последовавшее вскоре изгнание Пирошникова из института окончательно разрушило надежды отца на блестящую будущность сына. Это произошло уже после отъезда его с женой в Одессу, где он получил высокую должность. Фактически это был разрыв.

Пристанищем Пирошникова стала комната на Васильевском острове в бывшей квартире его деда-ботаника, с остатками старой библиотеки и несколькими застекленными коробками засохших и превратившихся в труху гербариев. Пирошников отслужил в армии, причем отслужил необременительно, при штабе, где занимался изготовлением стендов и плакатов наглядной агитации; затем снова поступил в институт и снова ушел, на этот раз по своей воле; перенял несколько занятий, наблюдая жизнь, много читал и даже пробовал писать, но забросил. Он все время как бы готовился войти в жизнь, не зная толком – с какого бока к ней подступиться, в какие двери толкнуться, хотя чувствовал, что входить, пожалуй, пора.

Еще один факт. Однажды Пирошников обмолвился в разговоре, что ему чрезвычайно нравится фраза, которой приказал слуге будить его Сен-Симон: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» Пирошников радостно смеялся и повторял: «Ну, откуда, откуда мог этот Сен-Симон знать, что его ждут великие дела? Однако же знал!.. Он верил в свое предназначение!»

Да и наш герой в глубине души тоже верил в свое предназначение, причем в предназначение высокое, но все его метания проистекали из того, что он ни на вот столько не знал – где, когда и в чем это предназначение воплотится. Может быть, вера его брала начало из отцовских феерий, может быть, собственные детские мечты питали ее, но вера была и с годами не пропадала, несмотря на то, что время шло, а великих дел совершалось до обидного мало.

Как знать, возможно, злую шутку с Пирошниковым сыграла именно вера в свое предназначение, а точнее – полное незнание существа этого предназначения?.. Нельзя сказать, что он не пробовал. Он пробовал, но ничего пока не совершил. А последнее время ему стало казаться, что ничего нового быть уже не может, все повторяется – и мысли, и разговоры, и желания, а это нашего героя изрядно напугало.

Можно обратить еще внимание на одиночество Пирошникова. В самом деле, жить без родных, без друзей, без любимой... Романы, правда, бывали, но... Мысль о логическом завершении любовных отношений, то есть о женитьбе, всегда пугала Пирошникова, потому что он привык отвечать только за себя, а по правде сказать – не привык даже к этому. Ответственность за другую жизнь, другую судьбу, равно как и ответственность за какое-либо дело, лишь предполагалась в некоем будущем, которое почему-то никак не наступало. Поэтому его слова на мосту, сказанные, правда, в минуту опьянения, – о том, что ему сделалось страшно и больно за себя и прочее... – эти слова были знаменательны для его нынешнего душевного состояния.

Словом, если приглядеться, то происшествие с лестницей, как мы и говорили, не было простой случайностью; оно несомненно обозначало собою некий поворот в жизни молодого человека, и, если бы Пирошников имел возможность вот так, не спеша, разобраться в своей судьбе, он, вполне возможно, пришел бы к определенным выводам. Но беда была в том, что он воспринял ночное приключение и утреннюю беготню по лестнице как злую шутку, или помутнение рассудка, или даже как сон, что будет видно из дальнейшего. Тут уж молодой человек решительно не прав! Сном можно было назвать его прошлую жизнь – вялое и бесцельное существование с бережно охраняемым предназначением внутри, – лестница же была жестока, но реальна. Во всяком случае, гораздо реальней его прекраснодушного предназначения.

...Вот, пока мы ближе знакомимся с героем, его утренний сон упорхнул, Пирошников открыл глаза, приподнялся на диване и с недоумением оглядел комнату.

Глава 4

Георгий Романович

Резкий переход от сна к яви таит в себе многие странности. Одна из них заключается в том, что внезапно проснувшийся человек склонен рассматривать реальность как сон, так что трудно бывает сообразить – где ты и что с тобою.

Только-только разобравшись, что он уже вроде бы и не спит, Пирошников почувствовал явственное облегчение, ибо сразу припомнил злополучную лестницу и Наденьку, а припомнив, решил, что все это ему приснилось: сначала лестница, а потом и Наденька. Мысль эта мигом пронеслась в уме и прояснила все вопросы. Оставались, однако, некоторые сомнения относительно комнаты, где он находился, потому как она до странности напоминала приснившееся жилище Наденьки, а также касательно незнакомца, который как раз в этот момент, повесив свое пальто поверх пальто Пирошникова, тщательно складывал длинный и чрезвычайно пушистый шарф. Сложив его, он аккуратно засунул шарф в рукав пальто и лишь после этого снял шапку. Повесив и ее, незнакомец расстегнул застёжки своих теплых ботинок и заглянул под шкаф, разыскивая, по всей видимости, тапки.

– Прошу простить за вторжение, – заговорил он, не найдя тапок и повернувшись к молодому человеку. Голос у него был выразительный, и звуки его красиво заполняли объем комнаты. – Ради Бога, отдыхайте, у меня здесь есть свои дела. Если позволите... – Тут он подошел к дивану и вынул из-под него тапки, причем Пирошников инстинктивно прикрыл дырку в носке на месте большого пальца другой ногою, на которой, по счастью, носок был цел.

Переобувшись, мужчина подошел к шкафу, раскрыл его и стал внимательно исследовать содержимое, мурлыча под нос какую-то арию, кажется из «Пиковой дамы». Снова недобрые подозрения зашевелились в душе Пирошникова, который все более отходил ото сна. Родилось вдруг сильнейшее желание уйти, выбежать на улицу, чтобы увидеть хоть каких-то привычных людей, хоть милиционера, что ли, хоть дворника; чтобы сбросить раз и навсегда это ощущение, похожее на ощущение мухи, попавшей в паутину. Пирошников встал и решительно направился к двери. Одной рукой он стащил с гвоздя пальто незнакомца, другой сорвал свое, снова нацепил на гвоздь чужое и стал поспешно одеваться. Уже надев пальто, он сообразил, что есть еще и ботинки, и, найдя их, начал напяливать, причем испытывал страшное неудобство. Затем он выбежал в коридор и устремился к выходу. Повозившись с замком, он распахнул дверь и пустился бежать вниз по лестнице через две ступеньки, не обращая решительно никакого внимания на окружающее и лишь считая этажи. Черта с два!.. Лестница никаким образом не желала заканчиваться. Больше того, она стала еще злонамеренней, ибо Пирошников вскоре заметил, что на ней остался лишь один повторяющийся этаж с раскрытой дверью Наденькиной квартиры. Ничего не оставалось делать, как смириться и вернуться обратно в комнату, где мужчина занимался связываньем в узел каких-то тряпок, используя для этого скатерть со стола.

– Вы что-то забыли? – осведомился он.

Пирошников, тяжело еще дышавший от беготни по чертовой лестнице, ничего не ответил и, швырнув пальто на диван, сам плюхнулся туда же. При этом он выругался про себя последними словами. Незнакомец оставил свой узел и внимательно взглянул на Пирошникова.

– Послушайте, – проговорил он медленно, как бы раздумывая. – Да, я муж Надежды Юрьевны. Я обещал ей забрать кое-какие вещи. Но вы, ради Бога, не волнуйтесь. Я отсюда уже ушел. Вот так обстоит дело.

– Что? Какая Надежда Юрьевна? Да объясните мне все это! – в отчаянье закричал Пирошников.

– Это Наденька, ну, Наденька же, вспомнили? – участливо, почти ласково отвечал незнакомец.

– Вспомнил, – мрачно сказал Владимир. – А дверь где?

– Какая дверь?

– На улицу дверь! Из подъезда дверь! Наружу дверь! – отчетливо, как глухому, прокричал ему Пирошников.

– Она внизу и есть, – все более недоумевая, отвечал бестолковый муж.

Но, ответив так, он вдруг с приступом еще более сильного любопытства посмотрел на молодого человека – и смотрел так с минуту. Закончив свои наблюдения и придя, по всей вероятности, к какому-то выводу, он придвинул к себе стул, сел на него и только потом спросил, как спрашивает врач, уверенный уже в своем диагнозе:

– Что, лестница?

Пирошников кивнул. Наденькин муж присвистнул тихонько, а Владимир, как ни был взволнован и расстроен, отметил про себя, что, слава Богу, не все еще потеряно. Он-то уж почти готов был поверить в собственное помешательство, но вот нашелся еще один человек, знающий про лестницу и собирающийся даже нечто о ней рассказать.

И действительно, Наденькин муж, еще раз испытующе взглянув на Пирошникова, начал говорить:

– Значит, и вы тоже?.. Так-так-так... Это забавно. Простите, я сам это пережил когда-то и понимаю, что для вас это отнюдь не забавно. – Тут он усмехнулся, подняв глаза к потолку. – Тогда давайте познакомимся.

Они познакомились, причем выяснилось, что Наденькин муж носит фамилию Старицкий, а зовут его Георгий Романович. Не забыл он и упомянуть, что является кандидатом филологических наук.

Георгию Романовичу было на вид под сорок. Он выглядел, что называется, солидно, чему способствовали безукоризненный костюм с крахмальной сорочкой, впрочем отнюдь не выделяющийся цветом или покроем, и манера в разговоре закатывать глаза, как бы читая некий текст, написанный на внутренней стороне лба.

Он начал рассказывать. Рассказ содержал в себе краткую историю появления Георгия Романовича в этом доме и в данной комнате при обстоятельствах, весьма сходных с нынешними приключениями Пирошникова.

Различие заключалось в том, что Георгий Романович попал на злополучную лестницу по своей воле и вполне сознательно, ибо в этом доме и именно в этом подъезде проживал, да и теперь проживает профессор Н., которому в то памятное утро нес свою только что оконченную диссертацию специалист по прозе прошлого века Георгий Романович Старицкий.

Бывают же казусы на свете! Представьте себя молодым и преуспевающим ученым, только что изучившим до ниточки творчество великого писателя и, более того, написавшим об этом творчестве труд страниц на двухстах; представьте ваше удовлетворение по сему поводу; представьте, наконец, момент, когда вы с душевным трепетом несете эти двести страниц на высший суд профессора, как вдруг вас хватает и крутит какая-то идиотская лестница, начисто сметающая все ваши представления о реальной действительности. Вы тычетесь, как котенок, в различные двери, однако нужной не находите; вы подозреваете, что ошиблись этажом, и спешите подняться выше, потом еще выше – Господи! насколько же высоко можно подняться?.. Лестница уже держит вас мертвой хваткой, так что со страха слабеют руки, дотоле крепко державшие портфель с драгоценной диссертацией, а частые стуки сердца подступают к самому горлу.

– Я первым делом подумал о перенапряжении последних дней, – продолжал Георгий Романович, – постарался взять себя в руки и позвонил в первую попавшуюся квартиру. Я рассчитывал найти телефон и вызвать медицинскую помощь. Мне открыла женщина, которая,

выслушав мою просьбу позвонить и жалобу на недомогание, сказала, что телефона в квартире нет. А я в этот момент действительно почувствовал себя очень и очень плохо. Кружилась голова, во рту пересохло, ноги дрожали...

Наденькин муж вздохнул, заново переживая тот ужасный миг, и сделал паузу, во время которой пробарабанил пальцами по столу.

– Но тут подошла Наденька. Она как раз возвратилась с ночного дежурства. Женщина в двух словах объяснила ей ситуацию, и Наденька, сказав, что она медсестра и может оказать помощь, ввела меня в квартиру, а потом в свою комнату. И здесь, стыдно признаться, силы меня покинули, и я упал в обморок. Да, в самый что ни на есть пошлый девичий обморок! Очнулся я от запаха нашатыря. Тело было как ватное. Наденька хлопотала, я заявил, что мне нужно идти, тогда она вызвалась проводить меня до такси... И что бы вы думали?

Георгий Романович победительно взглянул на Пирошникова, который был весь внимание, и продолжил рассказ. По его словам, присутствие Наденьки на лестнице ничуть положения не изменило. Когда они шли рядом, лестница продолжала свои фокусы, а лишь только Наденька отрывалась от Старицкого и достигала выхода, Георгий Романович терял ее из виду и никак не мог к ней приблизиться, хотя голос слышал отчетливо. Пришлось вернуться в комнату...

По мере того как рассказчик приближался к развязке, Пирошников испытывал все большее нетерпение. Две вещи волновали его: во-первых, каким образом Георгию Романовичу удалось-таки вывернуться из этого дурацкого положения и обрести прежнюю свободу, а во-вторых, как много времени он на это затратил?

– Я остался жить у Надежды Юрьевны, – несколько даже скорбным тоном продолжал кандидат наук. – Через некоторое время она стала фактической моей женой, хотя мы не прекращали попыток выйти из этого дома.

– А почему вас не разыскивали? – спросил Пирошников подозрительно. – Почему милиция, например, вас не выселила?

– Отсюда нельзя выселить, – веско проговорил Старицкий. – Отсюда можно уйти.

– Но как же? Как? – вскричал молодой человек.

Старицкий коротко и благодушно рассмеялся. Его житейская опытность и в особенности опыт, связанный с лестницей, давали ему несомненное преимущество.

– Видите ли, молодой человек... Есть много различных способов выйти отсюда. Можно, например, спуститься сейчас по лестнице – и вы на улице. Вы пробовали, этот способ вам не подходит, не так ли?

Пирошников уже почти с ненавистью смотрел на бывшего Наденькиного мужа.

– Можно прыгнуть из окна, но, сами понимаете, это не выход. Вот между этими, так сказать, крайними случаями лежат все другие возможности.

Георгий Романович скрестил руки на груди, откинувшись на спинку стула. По всей вероятности, он наслаждался и растерянностью молодого человека, и своей информированностью, если можно так выразиться, и, наконец, тем, что сам он уже покинул пределы этого дома. А Пирошников, встав с дивана, подошел к окну, как бы заново оценивая высоту над тротуаром.

– Ну а как же все-таки вы сами решили вопрос? – спросил он как можно более спокойно и даже небрежным тоном.

– Мой способ вам вряд ли подойдет. Кроме того, я не могу вам его рассказать по причинам чисто этического порядка, вы уж простите!

– Хорошо, – сказал Пирошников.

Он как-то сразу потерял интерес к собеседнику, испытывая настоящее желание погрузиться в себя и все обдумать, а Георгий Романович взвалил узел на спину и удалился, сказав на прощанье, что встреча их не последняя, как он полагает.

Впрочем, через несколько минут он вернулся, застав Пирошникова в той же позе у окна. Как выяснилось, Георгий Романович забыл захватить собрание сочинений Достоевского, которое принадлежало ему и было в свое время, наряду с его одеждой, доставлено Наденькой из его дома. Хозяйственный Наденькин муж принялся увязывать стопку коричневых томиков, а Пирошников, вперив взгляд в стенку, молчал и дожидался.

Может быть, Старицкому захотелось напоследок сделать что-то приятное молодому человеку, потому что, приготовив связку, он обратился к нему со словами:

– Если хотите, я покажу вам квартиру. Как знать, сколько времени вам придется здесь оставаться!

Пирошников пожал плечами, но не отказался. Они вышли в тот же коридор, где сразу на пути им встретилась старушка, которая бесшумно, как на лыжах, передвигалась в шлепанцах по крашеному, изрядно потертому полу.

– Доброго здоровьяца, Георгий Романович! – пропела, чуть поклонившись, старушка, но названный Георгий Романович, не обращая на нее ни малейшего внимания, повлек Пирошникова в кухню.

В кухне, которая оказалась еще просторнее, чем комната Наденьки, шипела на газовой плите черная сковородка, на коей жарились какие-то мелкие рыбешки. Вдоль стен располагались три стола с кухонной утварью, указывающей на различный достаток владельцев; возле самого нового, покрытого рисунчатым пластиком, возвышался холодильник. В дальнем темном углу стоял какой-то сундук, покрытый тряпками. Георгий Романович указал на стол среднего достатка и сказал:

– Это стол Надежды Юрьевны. Вот это (тут он повел рукой к пластиковому столу с холодильником) принадлежит Ларисе Павловне. Именно она открыла мне тогда дверь, я вам рассказывал. Интересная женщина!

На этом месте Георгий Романович тонко и вспоминаяще, если можно так сказать, улыбнулся. Какая-то недосказанность мелькнула в его словах, и Пирошников это заметил. Затем, небрежно махнув в сторону беднейшего стола рядом с сундуком, кандидат наук заметил, что это хозяйство мымры, как он выразился, встреченной ими в коридоре.

– А где она живет? – поинтересовался Пирошников.

– Да нигде она не живет! Она вообще не живет, путается только под ногами! – с озлоблением отвечал Старицкий.

В этот момент, легкая на помине, появилась и мымра, скользнув к сковородке, чтобы снять с нее золотистого цвета рыбешек и положить новых, вываленных в муке. Пирошникову показалось, что старушка, занимаясь всецело своим делом, тем не менее подглядывает за ними, и вообще ушки у нее, как говорится, на макушке.

– Лариса Павловна дома? – приблизившись к ней, прокричал почти ей в ухо Старицкий.

– Да это уж вам лучше знать! – обидевшись, произнесла мымра, но спохватилась и добавила: – На службе она, на службе, батюшка!

– Жаль, – протянул Старицкий. – Ну да ладно. Пойдемте! – И он повел Пирошникова обратно в коридор, шепча ему: – Притворяется глухой, но заметьте, слух у нее дай Бог каждому, да и зрение тоже. Так что учтите!

Указав по пути на места общего пользования и кладовую, дверь в которую он открыл и, заглянув, зачем-то потянул носом воздух, Георгий Романович остановил нашего героя у комода и объяснил, что Лариса Павловна со своим мужем, кстати торговым моряком, проживает по левую от Наденьки сторону, а по правую сейчас никто не живет. Комод же принадлежит старушке, но неизвестно, что он содержит; поскольку Георгий Романович не припомнит случая, чтобы та когда-либо его открывала.

На этом осмотр квартиры закончился, и Старицкий, захватив свои пожитки и книги, отбыл на сей раз окончательно.

Пирошникову сделалось скучно, он побродил по комнате, прочитал телеграмму на бюро, которая сообщала: «Выезжаю 17, поезд 27, вагон 9, встречайте, дядя Миша», исследовал от нечего делать содержимое нескольких ящичков бюро, а потом снова улегся на диван. Ему никак не удавалось собрать свои мысли. За этим занятием, а именно – за собиранием собственных мыслей, его и нашла упомянутая выше мымра, которая, приоткрыв дверь, просунула в образовавшуюся щель аккуратненькую свою головку с редкими седыми волосками, мигом осмотрела всю комнату и обратилась весьма ласково к Пирошникову:

– Рыбки не хотите ль? Не знаю, как вас величать...

При этих словах под ногами старухи появилась кошка Маугли, которая, изогнув свое тело, проникла в комнату и заняла место под шкафом. Раздосадованный Пирошников привстал с дивана.

Глава 5

Старуха

«Что же это? Они так и будут ходить? То один, то другой... И чего им нужно?» – мрачно подумал про себя Владимир, увидав незваную старуху. Впрочем, он тут же сообразил, что при умелом подходе можно будет, вероятно, и от старухи получить кое-какие интересующие его сведения. Поэтому Пирошников слегка потянулся и даже зевнул, изображая пробуждение, а затем, доброжелательно улыбнувшись, на что старушка ответила еще более приветливой улыбкой, объявил о своей готовности откусать предложенной рыбки.

Старухина голова исчезла, и через минуту в комнату вплыла тарелка, наполненная источающими аромат жареными рыбешками, которые бережно транспортировались старухой. Выказав крайнюю степень благодарности, Пирошников схватил за хвост верхнюю рыбку и в мгновение ока обглодал ее, оставив хрупкий хребетик. Старуха же, присев на краешек стула и положив руки на колени, умильно глядела на молодого человека. Эта идиллия продолжалась несколько минут, после чего, как и предполагал Пирошников, ему пришлось расплачиваться информацией о себе, своих отношениях с Наденькой и прочем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.